

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Художественное оформление — *Екатерина Фerez*

Поляков, Юрий Михайлович.

П54 Собрание сочинений. Том 5. 2000-2005: Том 5 / Юрий Поляков. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 560 с.

ISBN 978-5-17-168405-1 (Юбилейный Поляков)

ISBN 978-5-17-168402-0 (Юбилейный Поляков(супер))

В пятый том собрания сочинений известного русского писателя Юрия Полякова включены его знаменитый роман «Грибной царь», а также повести «Подземный художник» и «Возвращение блудного мужа». Все произведения объединены общей темой: любовь, семья, человеческие отношения в жестоком мире, где всем правят деньги, а плотский эгоизм торжествует над моралью и душевной чистотой. Эссе «Писатель без мандата» рассказывает о том, как писатели выживали в лихие девяностые годы, пытались противостоять стихии разрушения. Читателя, как всегда, ждет встреча с блестящим рассказчиком, тонким стилистом и остроумным собеседником.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-168405-1 (Юбилейный Поляков)
ISBN 978-5-17-168402-0 (Юбилейный Поляков(супер))

© Поляков Ю.М.
© ООО «Издательство АСТ», 2024

**Возвращение
блудного мужа**

Повесть

1

Саша Калязин, совсем даже неплохо сохранившийся для своих сорока пяти лет, высокий, интересный мужчина, был безукоризненно счастлив. Напевая себе под нос «Желтую субмарину», он торопливо и неумело готовил завтрак, чтобы отнести его прямо в постель любимой женщине. Прошло три недели, как он ушел от жены и обитал на квартире приятеля-журналиста, уехавшего в Чечню по заданию редакции. За это время жилплощадь, светившаяся прежде дотошной чистотой и опрятностью, какую могут поддерживать только застарелые холостяки, превратилась в живописную свалку отходов Сашиной бурной жизнедеятельности. Немытые тарелки возвышались в мойке, накренившись, как Пизанская башня, а в ванной вырос холм из нестиранных калязинских сорочек. Брюки, в которых он ходил на работу в издательство, после отчаянной глажки имели теперь две стрелки на одной штанине и три на другой. Кроме того, кончались деньги: любовь не считает рублей, как юность дней... Но все это было сущей ерундой по сравнению с тем, что теперь он мог засыпать и просыпаться вместе с Инной.

Калязин зубами сорвал неподатливые шкурки с толсто нарезанных кружочков копченой колбасы, нагромоздил тарелки, чашки, кофейник на поднос и двинулся в спальню, поваливая бедрами, как рекламный лакей, несущий кофе «Голдспун» в опочивальню государыне-императрице. К Сашиному огорчению, Инны в постели не оказалось, а из ванной доносился шум льющейся воды. Калязин устроил поднос на журнальном столике, присел на краешек разложенного дивана, потом не удержался и уткнулся лицом в сбитую простынь. Постель была пропитана острым ароматом ее тела, буквально сводившим Сашу с ума и подвигавшим все эти ночи на

такие мужские рекорды, о каких еще недавно он и помыслить не мог. Томясь ожиданием, он включил приемник, но, услышав заунывное философическое дребезжание Гребенщикова, тут же выключил.

Наконец появилась Инна — в одних хозяйских шлепанцах, отороченных черной цигейкой. Саша, как замороженный, уставился сначала на меховые тапочки, потом взгляд медленно заскользил по точеным загорелым ногам и потерялся в Малом Бермудском треугольнике. Инна любила ходить по квартире голой, гордо, даже чуть надменно делясь с восхищенным Калязиным своей идеальной двадцатипятилетней наготой. При этом на ее красивом, смуглом лице присутствовало выражение совершеннейшей скромницы и недотроги. Саша ощутил, как сердце тяжело забилося возле самого горла, вскочил, сгреб в охапку влажное тело и опрокинул на скрипучий диван.

— Подожди, — прошептала она. — Я хочу нас видеть...

Он понятливо потянулся к старенькому шифоньеру и распахнул дверцу. На внутренней стороне створки — как это делалось в давние годы — было укреплено узкое зеркало, отразившее его перекошенное счастьем лицо и ее ожидающую плоть.

Потом лежа завтракали.

— В ванной полно грязных рубашек, — сказала она.

— Да, хорошо бы постирать... — согласился он.

— Конечно! Но сначала надо их обязательно замочить, а воротники и манжеты натереть порошком...

— Натереть?

— Да, натереть. А ты и не знал? Показать?

— Нет, Инночка, я сам...

— Ах ты мой самостоятельный, все сам... Все сам! — Она засмеялась и нежно укусила его за ухо.

— Нет, не все...

— А что — не сам?

— Да есть, знаешь, одна вещь, даже вещичка... — загнул он и почувствовал, как только-только улегшееся сердце снова подбирается к горлу.

— Ну, Саш, ну не надо... Опоздаем на работу!

— Не опоздаем!!

* * *

Потом одевались. Этот неторопливый процесс сокрытия наготы, этот стриптиз наоборот, начинавшийся с ажурных трусиков и заканчивавшийся строгим офисным брючным костюмом, неизменно вызывал у Калязина священный трепет. Нечто подобное, наверное, испытывали первобытные люди, наблюдавшие, как солнце, сгорая, исчезает за горизонтом. А вдруг навсегда?

Он высадил Инну за квартал до издательства, а сам, чтобы не вызывать ненужных ухмылок сослуживцев, всё прекрасно понимавших, поехал заправляться. Наполнив бак, Саша хотел было подрегулировать карбюратор в сервисе рядом с бензоколонкой, но потом передумал. Зачем? На днях он намеревался отдать машину своему недавно женившемуся сыну. Так они условились с Татьяной.

На решающий разговор с женой Калязин отважился три недели назад, убедив себя в том, что дальше так продолжаться не может. Полгода Саша, наоборот, был вполне доволен тем, что делит жизнь между двумя женщинами. А что еще нужно? Дома — Татьяна, привычная и надежная, как старый, в прошлом веке подаренный к свадьбе кухонный комбайн, а на службе — отдохновенная Инна. В любой момент можно было приоткрыть дверь в приемную и увидеть ее — деловитую, недоступную, прекрасную... Или даже подойти и спросить: «Инна Феликсовна, “Будни одалисок” ушли в типографию?» И получить ответ: «Конечно, Александр Михайлович, еще вчера...» И успеть заглянуть в ее глаза, темные, невозмутимые, лишь на мгновение — специально для него — вспыхивающие тайной нежностью. И тогда весь рабочий день, наполненный верстками, сверками, сигнальными экземплярами, занудными авторами, превращался в томительно-трепетное ожидание того момента, когда она, выйдя из издательства и прошмыгнув квартал, сядет в его конспиративно затаившуюся во дворике «девятку» и скажет: «Ну вот и я...» Скажет так, точно они не виделись вечность.

Потом, проклиная красные сигналы светофоров, он мчал Инну в Измайлово, чтобы успеть все, все, все и насытиться на неделю вперед. Чаще просить ключи было неловко. К возвращению друга-журналиста, любившего поболтать по фуршетам и презентациям, каковые в изобильной Москве случаются ежедневно, они уже пили кофе и долгими молчаливыми взглядами рассказывали друг другу

обо всем, что меж ними происходило полчаса назад. Так дети, выйдя из кино, тут же начинают пересказывать друг другу только что увиденный фильм. Друг возвращался с заранее заготовленной шуткой вроде «Пардон, но я тут живу!», бросал на Калязина насмешливо-завистливый взгляд и приоткрывал, проверяя, холодильник: бутылка хорошего коньяка была условленной платой за эксплуатацию помещения вкуче с мебелью. У ног журналиста терся черный пушистый Черномырдин — и в желтых кошачьих глазах горела немая мука, точно он хотел и не мог доложить вернувшемуся хозяину про все то удивительное, что происходило в квартире в его отсутствие.

Потом из Измайлова Саша отвозил Инну в Сокольники. Под окнами ее дома они еще некоторое время сидели в машине, не решаясь расстаться, обсуждая издательские интриги или какого-нибудь особенно странного автора, обещавшего объявить сухую голодовку, если его рукопись не будет принята. «Ну я пошла...» — говорила наконец Инна так, словно вот здесь, в «девятке», можно было остаться жить навсегда. «Подожди!» — шепотом просил Саша, и они продолжали сидеть, молча наблюдая, как окрестные жители выводят собак на вечернюю прогулку. Сигналом к расставанию обычно служило появление толстой дамы, ровно в десять выгуливавшей своего одетого в синий комбинезончик и, вероятно, жутко породистого песика. «Все, пошла, — сама себе приказывала Инна. — А то завтра буду сонная и вредная...» Последний поцелуй был таким долгим и страстным, что Шашины губы ныли аж до самой Тишинки.

Он жил в «сталинском» доме, возле монумента, воздвигнутого в честь трехсотлетия добровольного присоединения замордованной турками Грузии к могучей Российской империи. Потучнев и расхрабрившись «за гранью дружеских штыков», гордые кавказцы снова обрели свой вожделенный цитрусовый суверенитет, но ажурная чугунная колонна, свитая из закорючистых грузинских букв, продолжала стоять как ни в чем не бывало. Местные остряки называли ее «Памятником эрекции» и даже еще неприличнее.

В великолепный, с тяжелыми лепными балконами дом подле снесенного теперь дощатого Тишинского рынка они въехали шестнадцать лет назад. Татьяна год занималась обменом, выстраивала сложные цепочки, ухаживала за полубезумной старухой-генераль-

шей, жившей в этой квартире, и совершила невозможное: из двухкомнатной «распашонки» в Бирюлеве семья перебралась сюда, в тихий центр, под трехметровые лепные потолки, вызвавшие буйную зависть у приглашенных на новоселье сослуживцев. Саша работал тогда в «Прогрессе». У него как у старшего редактора в неделю было два присутственных и три «отсутственных» дня.

И если раньше, уходя с работы, он напоминал коллегам: «Завтра я работаю с рукописью дома», то после новоселья стал говорить иначе, с тихой гордостью: «Завтра я — на Тишинке».

Теперь многое изменилось, округу застроили причудливыми многоэтажными сооружениями с зимними садами и подземными гаражами — «сталинский» дом, недавно отреставрированный, стал походить на старый добротный комод, забытый в комнате, заполненной новой стильной мебелью. Впрочем, нет, не старый — старинный.

Возвращаясь домой, Калязин обыкновенно заставал одну и ту же картину: Татьяна в домашнем халате лежала на диване и трудилась. Обменный опыт, обретенный много лет назад, не прошел даром. Когда ее зарплата заведующей районной библиотекой превратилась в нерегулярно выдаваемую насмешку, она устроилась в риелторскую фирму «Московский домовый» и стала вполне прилично зарабатывать. Саша, привыкший в своем номенклатурном издательстве к приличному окладу, тоже, кстати, ушел из обнищавшего «Прогресса» и некоторое время спустя, вместе с секретарем партбюро редакции стран социализма, которых внезапно не стало, затеял издавать эротический еженедельник «Нюша» — от слова «ню». Работали так: бывший парторг выискивал в старых порножурналах снимки девочек, а Калязин сочинял сексуальные исповеди, якобы присланные читателями.

Такие, например: «Дорогая редакция, до тридцати пяти лет я никогда не изменяла мужу. Но этим летом я познакомилась в Сочи с Кириллом, скромным милым студентом из Кременчуга. Не скрою, мне были приятны его робкие ухаживания, но ни о чем таком я даже не помышляла. Однажды мы уплыли в открытое море, и вдруг Кирилл, несмотря на воду, властно привлек меня к себе. Я пыталась сопротивляться, даже кричать, но берег был далеко, а юноша вдруг утратил всю свою робость и начал с бесстыдной дерзостью ласкать самые интимные уголки моего тела. Потом что-то огромное и пы-

лающее, как безумное южное солнце, вторглось в меня с неистовой силой. Никогда я не испытывала ничего подобного с мужем, оргазмы накатывались на меня, словно волны, один за другим, я захлебывалась счастьем и соленой водой. Как мы не утонули, даже не знаю... На следующий день я улетела домой. Я очень люблю своего мужа и дочь, но все время думаю о Кирилле. Что мне делать, дорогая редакция? Ольга З. Поселок Железняк-Каменский Свердловской области».

— Я бы точно утонула! — засмеялась Татьяна, прочитав это Сашино сочинение.

Дела поначалу шли хорошо, но потом рынок буквально завалили крутой эротикой и мягкой порнографией — и «Нюша» прогорела. Бывший парторг, лет двадцать назад получивший выговор за растрату взносов, умудрился доказать в американском посольстве, что его злобно преследовали при советской власти, получил грин-карту и скрылся с журнальной кассой. Кредит, сообща взятый на издание, Калязин возвращал один. Пришлось спешно продавать квартиру покойных родителей, прибегавшуюся для сына.

Несколько лет Калязин занимался более или менее успешными проектами вроде «Полной энциклопедии шулерских приемов», пока не встретил своего студенческого приятеля Левку Гляделкина и не устроился к нему в издательство «Маскарон».

Татьяна обычно, увидев воротившегося мужа, на мгновение отрывалась от телефона, сочувственно улыбалась и махала рукой в сторону кухни. Сочувственная улыбка означала сожаление по поводу того, что на новом месте Саше приходится самоутверждаться и работать на износ. Взмах руки свидетельствовал о том, что ужин ждет его на плите. Отправляясь на кухню, он слышал, как жена продолжала увещевать недоверчивого клиента:

— Ну что вы, Степан Андреевич, деньги будут лежать в ячейке, и никто, кроме вас, взять их не сможет... Ячейка — это сейф, очень надежный... А вот этого делать нельзя! Если вы снимете и увезете паркет — ваша квартира будет стоить на тысячу долларов меньше... Я понимаю, что паркет дубовый и уникальный, но нельзя!..

Жадно поедая ужин, Саша находил даже какое-то удовольствие в своей двойной жизни — неистово постельной там и уютно-кухонной здесь. Но все это когда-то должно было закончиться. И вот однажды, вернувшись после очередного, особенно тягостного рас-

ставания с Инной и застав жену говорящей по телефону все с тем же недоверчивым Степаном Андреевичем, Калязин вдруг осознал: на две жизни его больше не хватает. Надо выбирать. Выбирать между застарелым уютом семейной жизни и тем новым, что открылось ему благодаря Инне. А открылось ему многое! Он с ужасом понял, что все эти годы его мужской интерес томился и чах, подобно орлу, заточенному в чугунной клетке, питаюсь не свежим, дымящимся мясом, а сухим гранулированным кормом «Пернатый друг». Кроме того, в нем забурлила давно забытая деловитость, замаячили мечты о своем собственном издательстве, он даже стал придумывать название, в котором обязательно должны были переплестись, как тела в любви, два имени — Инна и Александр, или две фамилии — Журбенко и Калязин. «Жук» не подходил в принципе. Красивый, но бессмысленно-лекарственный «Иннал» он, поколебавшись, тоже отверг и пока остановился на названии «Калина». Не бог весть что, но все-таки...

Однажды Саша зачем-то рассказал о своих издательских планах жене, но она только пожала плечами, осторожно напомнив, что бизнес в его жизни уже был и ничего путного из этого не вышло. Зато Инна пришла в восторг, зацеловала его и сообщила, что к ней равнодушен директор целлюлозного комбината и что на первое время она выпросит у него бумагу в долг под небольшие проценты. Этой вопиющей нечуткостью жены Калязин и хотел воспользоваться для решающего объяснения, но почему-то не воспользовался, а потом навалились хлопоты со свадьбой сына. Дима спокойно учился на третьем курсе Полиграфического и вдруг как с ума сошел: женюсь!

Девочка оказалась премиленькой и скромной, работала товароведом в фирме, торгующей керамической плиткой. Познакомились они, к удивлению Саши, в интернете. Дима выходил в сайт знакомств под «никнеймом», сиречь псевдонимом, Иван Федоров.

— Ну ты хоть первопечатником оказался? — спросил, смеясь, Калязин.

— Какое это имеет значение? — покраснел сын.

— А ты про геномию слышал?

— Это что?

— Это когда дети наследуют черты добрачных партнеров матери.

— Ну и на кого я похож?

— Дима, как не стыдно! — возмутилась Татьяна.

В юности у нее случился полугодичный студенческий брак, очень неудачный. Мимолетный муж был, кажется, адыгом, учился с ней на одном курсе, страстно влюбился, сломил сопротивление юной москвички, ошарашенной его черкесским напором, и женился, не получив разрешения родителей. В один прекрасный день приехали братья и увезли самовольника в Майкоп, где он под строгой охраной родни и заканчивал свое образование. С тех пор Татьяна терпеть не могла кавказцев.

Со своей будущей женой Саша познакомился в стройотряде за год до окончания Полиграфического. Они возводили колхозную ферму, и когда заканчивали кирпичную кладку, к ним прислали бригаду штукатурщиц из Института культуры. Татьяна, тогда еще стройная, худенькая, но уже полногрудая, понравилась ему сразу: было в ней какое-то грустное завораживающее обаяние. Шарм, как говорят французы. Калязина, правда, сильно смущало обручальное кольцо на ее пальце. Дело в том, что свою семейную драму Татьяна от всех скрывала, плела подружкам, будто муж уехал ухаживать за больной матерью и скоро вернется. Вела она себя, кстати, как замужняя: постоянно подкатывавших к ней стройотрядовских жеребцов отшивала с суровым высокомерием или насмешливой снисходительностью — это зависело от того, насколько нагло вел себя пристававший. А среди них были лихие, видные ребята, щеголявшие отлично подогнанной по фигуре стройотрядовской формой с золотым значком ударника ССО. Да взять хотя бы того же Левку Гляделкина — бригадира, гитареро, девичьего искусителя и обаятельного расхитителя колхозной собственности, не бескорыстно снабжавшего близживущих садоводов дефицитными стройматериалами.

Трудно сказать, почему Татьяна обратила внимание на Сашу, возможно, именно потому, что он единственный не пытался после трудового дня увлечь ее в подсолнуховые джунгли, подступавшие к самой стройплощадке. Он только иногда тайком клал ей на заляпанный раствором дощатый помост букетики лесных цветов. Интеллигентные штукатурщицы, стараясь всячески соответствовать своей временной специальности, пихали смущавшуюся Татьяну в бок, громко хохотали и предупреждали робкого воздыхателя:

— Ой, смотри, Коляскин, у Таньки муж ревнивый! Черкесец! Отрэжэт кинжалом!

Татьяна страшно злилась, начинала убеждать, что муж из интеллигентной профессорской семьи и только полные идиотки верят, будто в Адыгее все ходят с кинжалами. Саша, слушая эти разъяснения, грустнел и сникал, сознавая бессмысленность своих робких ухаживаний, но цветы продолжал подкладывать.

Все произошло в воскресенье, в День строителя. Несмотря на то что в отряде был объявлен строжайший сухой закон, студенты, с молчаливого согласия начальства, хорошо выпили и закусили. Стол, кстати, не считая денег, накрыл ушлый, но щедрый Гляделкин. Разожгли огромный костер, дурачились, танцевали и пели под гитару:

*За что ж вы Ваньку-то Морозова,
Ведь он ни в чем не виноват...*

Разошлись глубокой ночью. Одни, большинство поодиночке, разбрелись в вагончики спать, а другие, меньшинство, попарно улизнули в черные заросли подсолнечника — предаваться беззаботной студенческой любви. У изнемогшего, подернувшегося седым пеплом костра остались только Саша и Татьяна. Они сидели молча, слушая ночную тишину, нарушаемую изредка треском стеблей и глухими вскриками.

— Я тебе нравлюсь? — спросила вдруг она.

— Очень.

— Ты уверен?

— Уверен.

— Тогда можешь обнять меня. Холодно...

— А муж? — Саша задал самый нелепый из всех вопросов, допустимых в подобной ситуации.

— Объелся груш... — с горькой усмешкой ответила Татьяна. — Ладно, пора спать!

— Может, прогуляемся перед сном? — жалобно попросил Калязин.

— Может, и прогуляемся... — кивнула она, а потом, наверное через час, вцепилась пальцами в его голую спину и прошептала: — Они смотрят на нас!

— Угу... — не поняв, согласился Саша, погруженный в глубины плотского счастья, столь внезапно перед ним расступившиеся.

— Они смотрят! — повторила Татьяна.

— Кто? — Калязин испуганно извернулся и посмотрел вверх.

На фоне уже сереющего неба подсолнухи были похожи на высокие и страшно отощавших людей, которые, обступив лежащую на земле пару, осуждающе покачивали головами...

— Ты думаешь, они понимают? — спросил он.

— Конечно.

— Тебе не холодно?

— Это от тебя зависит...

На следующий день, в понедельник, приехал комбайн и выкосил подсолнечное поле. Оставшиеся две недели прошли в строительной штурмовщине и конспиративных поцелуях в глухих, пахнущих свежим цементом уголках недостроенной фермы.

— Ну пока! — На вокзале Татьяна протянула ему бумажку с номером телефона и шепнула: — Звони!

— А муж? — снова спросил Саша, к тому времени уже влюбленный до малинового звона в ушах.

— Коляскин, — рассердилась она, — если ты еще раз спросишь про мужа, я... я не знаю, что я сделаю...

Известие о том, что никакого мужа нет в помине уже три года, ввергло Сашу в чисто индейский восторг, он издал нечеловеческий вопль и, одним махом разрушая всю старательную многодневную конспирацию, поцеловал ее в губы прямо на перроне, на глазах изумленной общественности. Через неделю, накупив на половину стройотрядовской зарплаты роз, он сделал ей предложение, однако, наученная горьким опытом, Татьяна вышла за него только через год, после окончания института. Когда в черной «Волге» с розовыми лентами на капоте они мчались в загс, Татьяна шепнула жениху, что в прошлом веке девушки выходили замуж исключительно невинными, а теперь — чаще всего, как она, беременными. О времена, о нравы!

От тех полудетских времен остался их главный семейный праздник — День строителя и привычка постельное супружеское сплочение именовать не иначе как «прогуляться перед сном».

А неудачный разговор с сыном удалось свести к шутке, потому что даже теща, скептически относящаяся к Саше, всегда говорила, что Димка «до неприличия вылитый Калязин». И про геномию он ляпнул совсем по другой причине.

Однажды Инна, одеваясь, спросила как бы невзначай:

— Тебе нравится имя Верочка?

— Нравится... А что?

— Если у меня будет от тебя девочка, я назову ее Верой...

— А если у меня от тебя, — засмеялся Саша, — будет мальчик, я назову его...

Он осекся и помрачнел, вспомнив Гляделкина. Нет, конечно, Саша понимал, что все это жуткие глупости, бред каких-то генетических шарлатанов, но ничего не мог с собой поделать. Инна поняла его по-своему.

— Не расстраивайся! У меня все в порядке. Полагаю, ты не думаешь, что я могу тебя этим шантажировать?

— Нет, ты не поняла... Просто... Просто я хочу поговорить с ней.

— А ты не торопишься? — Инна поглядела на него запоминающе.

— Нет, не тороплюсь... Я тебя люблю.

После свадьбы Дима переехал к жене и родителей навещал нечасто.

Во внезапной женитьбе сына Саша увидел особый знак того, что под его жизнью с Татьяной подведена черта и настало время принимать решение. Надо сказать, Инна никоим образом не подталкивала его к этому шагу, не заводила разговоров о будущей совместной жизни и только иногда, в «опасные» дни, доставая из сумочки яркие квадратные упаковочки с характерными округлыми утолщениями, смотрела на него вопрошающе... И однажды Калязин зашвырнул эти квадратики под диван.

— Ты смелый, да? — спросила Инна, когда они потом лежа курили.

— Да, я смелый...

— Хочешь с ней объясниться?

— Откуда ты знаешь?

— Я про тебя все знаю. Не говори ей обо мне. Скажи, что любил ее, ваш брак исчерпан и ты хочешь пожить один... Ты принял решение. Понял?

В самих этих словах, но особенно в жестокой и простой формулировке «брак исчерпан» прозвучала непривычная и неприятная Калязину командная деловитость. Инна почувствовала это.

— Знаешь, не надо с ней говорить, — поправилась она. — Нам ведь и так хорошо. Я тебя и так люблю...

— Что ты сказала?

— А что я такого сказала?

— Ты этого раньше никогда не говорила!

— Разве? Наверное, я не говорила это вслух. А про себя — много раз...

Но объяснение все-таки состоялось, и в самый неподходящий момент. В воскресенье вечером Саша принимал ванну, а Татьяна зашла, чтобы убрать висевшие на сушилке носки.

— Ого, — улыбнулась она, — хоть на голого мужа посмотреть...

Особенно обидного в этом ничего не было, жена давно относилась к их реликтовым «прогулкам перед сном» с миролюбивой иронией, но Саша аж подпрыгнул, расплескав воду:

— Скоро вообще не на кого смотреть будет!

— Почему?

— Потому что нам надо развестись!

— Ты серьезно?

— Серьезно!

И его понесло. Ровным металлическим голосом, словно диктор, объявляющий войну, он говорил о том, что она не понимает его, что их совместная жизнь превратилась в пытку серостью, что ему нужна совершенно иная жизнь, полная планов и осуществлений, и что его давно бесит ее бесконечный риелторский дундеж по телефону. Татьяна слушала его, широко раскрыв от ужаса глаза.

— Я все обдумал и принял решение, — закончил Калязин, гордясь тем, что ни разу не сбился, и потянулся за шампунем.

— Какое решение?

— Я хочу пожить один. Без тебя...

— Ну и сволочь ты, Сашка! — прошептала Татьяна и швырнула в мужа носки, которые, не долетев, поплыли по воде. — Уходи! Собирайся и уматывай!

Она выскочила из ванной, так хватив дверью, что осыпалась штукатурка.

Вытершись, расчесав влажные волосы и ощутив некоторое сострадание к оставляемой жене, Саша зашел на кухню. Татьяна плакала, уставившись в окно. Стекло от появления распаренного Калязина чуть запотело, и жена, продолжая всхлипывать, стала чертить